

Когда он хотел спросить голосом, занавеска повозки была откинута, и Фу Чэнцы вышел вниз, с легкой улыбкой на лице.

Однако та улыбка была мимолетной, и стража не успела ничего разглядеть, как его лицо вновь обрело прежнюю бесстрастность.

Столь же мимолетной была и мягкая страсть в глубине глаз Лу Це. Он поднял руку, чтобы стереть оставшееся на губах теплое прикосновение, а затем его охватил сильный приступ кашля. Он крепко прижал руку к губам, но все же кашель прорывался сквозь пальцы.

Сладковато-металлический привкус в горле не желал исчезать.

Спустя некоторое время он посмотрел на кровавый след, расплывшийся на ладони, и молча лизнул губы, смывая языком оставленный след.

До времени Бучуня оставалось шесть дней. Лу Це открыл ароматический мешочек, который Государственный наставник прислал ему с человеком перед отъездом, в тщетной надежде, что запах облегчит его плохое состояние.

Повозки шли днем и ночью, и через два дня они достигли первого города на юге. Людей на дороге стало заметно больше, беженцы из районов, пострадавших от наводнения, были собраны в одном месте.

Лу Юй и Фу Чэнцы вышли, чтобы осмотреться, а Лу Це велел Жуань Дао передать, что он хочет сначала вернуться в гостиницу и отдохнуть.

Услышав это, на лице Лу Юя уже появилось раздражение. Люди страдали от стихийного бедствия, а Лу Це, будучи членом императорской семьи, сопровождавшим их, думал только о комфорте и удовольствиях в повозке, не желая даже взглянуть на народные страдания. Среди раздражения была разочарование и даже скрытое злорадство.

Но Лу Це даже не хотел говорить и не заботился о том, что думали Лу Юй и Фу Чэнцы, сошедшие с повозки. В этот момент все его тело содрогалось от судорог, и он стискивал зубы, чтобы не издавать звуков боли.

Фу Чэнцы, словно почувствовав что-то, обернулся, и его взгляд приковался к плотно закрытой занавеске, пытаясь разглядеть, все ли в порядке. Он спокойно сказал:

— Не лучше ли нам всем вернуться вместе? Когда устроимся, тогда и выйдем как следует осмотреть обстановку.

Лицо Лу Юя потемнело, но в конце концов он не смог произнести слов возражения.

Затем они посетили несколько гостиниц, и везде им говорили, что все номера заняты.

Фу Чэнцы смотрел на эту явно пустующую гостиницу и рассеянно произнес:

— В последнее время в Юйчэне проводится какое-то мероприятие?

Младший слуга покачал головой:

— У нас уже давно не проводилось никаких мероприятий.

Фу Чэнцы, словно невзначай, взял со стойки регистрационную книгу. К тому времени, как

младший слуга опомнился, вещь уже была в руках у гостя. Стража рядом с важным гостем выглядела свирепо, словно в следующую секунду могла разнести всю эту лавчонку.

— Пустые комнаты не сдаются, не для того ли, чтобы призраков выращивать? — Фу Чэнцы холодно швырнул вещь на стойку.

Услышав это, Лу Юй тоже нахмурился и взял книгу.

Там не было зарегистрировано ни единой информации о постояльцах — все было совершенно пусто.

У входа послышалась суматоха. Это задержавшиеся в городе беженцы, увидев, что повозка знатных господ остановилась здесь, пришли просить подаяние.

Ребенок в заплатанной одежде, с не очень чистым, запыленным лицом, прислонился к дверному косяку, с надеждой выглядывая.

Сотрудник гостиницы, встретившись взглядом с Фу Чэнцы, отвел глаза, широко шагнул вперед, поднял стоявшую рядом метлу и стал прогонять людей.

— Убирайся, не загораживай проход! — тот с угрожающим видом пригрозил ребенку.

Ребенок съезжился, но, казалось, решил стоять насмерть, и прямо бросился к ногам Лу Юя. Глаза его блестели слезами, и он, стоя на коленях, принялся кланяться.

— Умоляю, господин, дайте немного денег на подаяние! Мы... мы уже несколько дней ничего не ели!

Лу Юю стало неловко, он посмотрел наружу и увидел, что снаружи, прячась и мелькая, стоит еще много детей, а также женщин — все в лохмотьях. Среди них были и нищие из Юйчэна, и беженцы, пришедшие с юга.

Он взглянул на одного из стражников, и тот достал из-за пояса кошелек и отдал ребенку немного серебряных обломков.

Получив серебряные обломки, ребенок снова принялся благодарить и кланяться, а прежде собравшаяся толпа шумно рассеялась.

Неудивительно, что Фу Чэнцы так разгневан. Только войдя в земли Цзяннани, в Юйчэне уже такая ситуация, а что будет дальше в пути — и представить страшно.

Младший слуга, видя, что этих людей не проведешь, хотя на улице стояла прохладная осень, уже невольно покрылся тонким слоем пота на лбу и долго мычал, не в силах ничего вразумительного сказать.

На улице постепенно сгущались сумерки, темнели тучи, поднимался ночной ветер, предвещающий дождь.

Лу Це, услышав звук ветра, с холодным лицом вышел из повозки. Его облик был демонически прекрасен и великолепен, на чрезмерно бледном лице даже смутно просвечивали голубоватые сосуды под кожей. Однако под этой болезненной бледностью скрывалось не исхудавшее тело — от плеч и спины до узкой талии и далее до пары прямых длинных ног, все выдавало стройное и крепкое телосложение юноши.

Одежда из парчи была мягкой на ощупь. Взгляд из-под длинных ресниц скользнул к младшему слуге за стойкой, в глазах читалась невыразимая холодная решимость:

— Раз гостиница не принимает постояльцев, тогда лучше ее закрыть! Жуань Дао!

Резкий и беспощадный, он совершенно не оставлял возможности для возражений.

Младший слуга был потрясен. В отличие от серьезной и суровой осанки предыдущих гостей, сошедший позже господин излучал безудержную резкость, один только его взгляд вызывал невольную дрожь.

Однако Фу Чэнцы перевел взгляд на талию того человека, и его глаза потемнели. Насколько он мог судить, пояс казался шире еще на один палец.

Как получилось, что всего за два дня этот человек снова похудел?!

Между ними мелькнула фигура, и Жуань Дао, поспешно заслонивший взгляд Князя Цзянбэя, тут же откликнулся:

— Я здесь, господин.

Когда этот обжигающий взгляд был закрыт, Лу Це невольно вздохнул с облегчением. Он внимательно осмотрелся, взгляд его скользил по каждому уголку планировки гостиницы, словно он наконец принял какое-то важное решение, и голос его по-прежнему звучал неспешно:

— Раз эта гостиница не принимает людей, то закрыть ее — хорошая идея. По пути сюда мы проезжали мимо управы начальника округа. Жуань Дао, сходи и спроси, раз уж гостиница не работает, не согласятся ли они, чтобы мы, братья, выкупили ее и открыли винный дом.

Уголки губ Лу Юя слегка приподнялись, взгляд его стал понимающим, и он, к удивлению, в знак согласия достал из груди серебряный сертификат с огромным номиналом и официальной печатью — если действительно выкупить эту гостиницу, проблем бы не возникло.

Увидев, что эти люди настроены решительно, младший слуга тут же струсил, и его голос заплетался:

— Г-господа... это правда не потому, что мы специально не хотим вести дела... п-просто все гостиницы на улице такие!

На глазах его выступили слезы, что придало ему вид отчаяния.

Лу Юй тоже почувствовал неладное, в глубине его кротких глаз пробежал темный свет, подобный бушующему морю:

— Что случилось?

Младший слуга, видя, что эти люди не намерены отступать, с тяжелым сердцем тоже рассказал им:

— На юге случилось большое наводнение, беженцы движутся в сторону столицы. Говорят, что не ведут дела... потому что боятся, что беженцы вселятся...

Лу Юй холодно произнес:

— Гостиница открывает двери для бизнеса, и это ваш способ ведения дел?

Младший слуга хотел возразить, но, видя перед собой гостей, с которыми нелегко иметь дело — окружающие люди были один другого влиятельнее, — его голос невольно понизился:

— Не то чтобы мы не вели дела, просто эти люди слишком наглые. Вот та гостиница при въезде в город, вы, наверное, видели ее, когда въезжали? Хозяин той был добр, открыл двери для бизнеса, но пришли все бедные беженцы без денег. Хозяин, добросердечный, всех их принял, но той же ночью один из них внезапно умер от чахотки. Люди из его группы, неизвестно откуда получив информацию, прицепились к гостинице и стали группами по четыре-пять человек селиться туда волна за волной. Я слышал о том хозяине — думал сделать доброе дело, но, видимо, совершил ошибку, теперь репутация испорчена, и люди, видя его, невольно обходят стороной.

И такое случалось не раз. Буквально несколько дней назад еще одна гостиница приняла двух беженцев, которые могли заплатить за проживание, но в итоге их обманули, чуть ли не разнесли комнаты. Беженцы, попав в Юйчэн, выбирают цели помягче. Мы, владельцы гостиниц и винных домов, ведем мелкий бизнес, нам действительно не выдержать, когда другие так поступают...

Лу Юй нахмурился, в голосе его уже звучало раздражение:

— Местный начальник округа разве не занимается этим?

— Занимается! — раздался голос из-за двери.

Вошедший поклонился им.

— Начальник округа тоже несколько раз посылал людей разбираться, но в слухах это превратилось в то, что Юйчэн давит на людей властью. Все они несчастные люди, бегущие от бедствия, нельзя же всех их сажать в подземелье.

На лице того человека была горькая улыбка. Младший слуга окликнул его «хозяин».

Лу Це посмотрел на него:

— А вы кто?

[Спасибо за прочтение.

Фу, этот подлец, старый пройдоха в завоевании сердец.

Маленький Лу, беги!!!]

<http://bllate.org/book/15603/1392964>